

— Анатолий Игнатьевич, кто сейчас "правит бал"?

— Все. И не надо этого пугаться, все идет нормально. Хотя могло бы быть и хуже, ибо мы до сих пор остаемся большевиками. А ужасный итог сей страшной болезни, поразившей нашу страну, состоит в том, что в нас деформирована человеческая сущность и на всех, от малых до великих, лежит некий общий отпечаток. То, что теперь называется "совковостью". Сейчас она, по-моему, ощущается особенно остро. Нужны поколения демократов, президентов, премьер-министров, коммерсантов, обывателей, даже жуликов, чтобы мы пришли к той общественной норме, которая существует в наших идеальных представлениях.

"Совковое" мышление так просто не вытравить. Банальность, казалось бы, но беда в том, что каждый в душе считает, что "совок" — это тот, кто рядом, а сам он — отнюдь. Вот вы можете утверждать, что в вас нет ничего "совкового"?

— Признаться, хотелось бы...
— Вот так и остальные. Почитайте высокомерноснисходительные, всех и вся критикующие статьи нынешней пишущей братии. Что-то их ирония самоиронии не предполагает. Типичная "совковая" черта, открытка нашего рабства и внутреннего хамства.

Сегодня у власти демократы, но пока они осмысливают новое по старым стереотипам. Иначе просто не могут. Поэтому я недоумеваю, когда интеллигенция впадает в панику и истерику от любого шокирующего действия нынешних властей. Да, помилуй Бог, разве может Ельцин действовать, как Буш, у которого законы демократии в крови? Нужно радоваться, что во главе России — человек честный, не фальшивый. Пусть он мужиковат, пусть порой даже подчеркивает свою грубость, но кто другой, как не этот прочно заквашенный работяга, способный проворачивать накопившееся дерьмо? Не может сейчас на его месте оказаться ни Сахаров, ни Лихачев. Или, как предполагают некоторые, Александр Исаевич. Не доросли мы. А дерьмо-то ведь — общее. Об этом опять-таки предпочитают не думать, а только требовать от власти немедленного чуда. А пока чудо не совершается, бросаются яростно критиковать и кричать, что ничего не меняется. Действительно, очень трудно ощутить движение, когда сам находишься как бы внутри этого процесса. А если взглянуть со стороны, так видно, насколько быстро мы несемся вперед, насколько сами за это время изменились.

— А куда несемся? Похоже, что нынешние руководители четкой программы не имеют.

— Вот-вот, опять проявление "совкового" мышления. Хватит нам жить по гигантским проектам и планам и навязывать следующим поколениям свое видение будущего.

Они сами прекрасно разберутся. Нам же надо расчистить для них дорогу.

— В последнее время приверженцы КПСС явно внутренне и внешне приободрились. С чего бы это?

— Во-первых, в этой партии заключен потрясающий инстинкт самосохранения. Когда прошел шок, они стали осматриваться и радостно вздохнули: "Ба, да эта демократия отнюдь не непогрешима, столь же подвержена искусу власти и материальных благ, с ней можно договориться". Все быстро стало на свои места.

— И притом вокруг "знакомые все лица".

— А кто, спрашивается, мог заполнить управленческие структуры? Демократы с митингов? Так они, не имея внутренней аппаратной дисциплины, да и не желая ее иметь, быстро обнаружили свою неподготовленность к исполнению служебных, а значит, предпочтение было отдано все тем же бывшим... Уж что-то, а аппаратные функции они выполнять умеют неплохо.

Кроме того, среди тех, кто по должности был вынужден заседать в обкомах и райкомах, масса талантливейших и, я бы даже сказал, в своем роде гениальных людей. В каждодневной практике им постоянно

многих своим подкупающе решительным поведением в дни путча. И вообще боевой офицер с красивым мужественным лицом... Но своя планка есть у каждого. Кроме того, любой переворот нужно готовить исподтишка. Ручкой же, по-моему, человек открытого боя. А чтобы возглавить национал-патриотов и военных, надо стать откровенным фашистом. Ручкой заблуждается, но он не таков.

— Именно потому он все чаще апеллирует к народу...

— Думаю, и здесь не получится. Каким бы деградировавшим и спившимся ни был наш народ, здравый смысл в нем все-таки существует.

— Но в начале века он народу отказал.

— Да, это была страшная беда, едва не стоившая ему жизни. Нужно только благословить Бога, что болезнь, поразившая все клетки организма, не унесла его с собой. Но надеюсь, что это дьявольское наваждение больше не завладеет человечеством.

— Вы считаете, что Россия "потеряла" для себя XX столетие?

— Почти. И мне становится больно, когда я думаю, какой она сейчас могла быть, какими мы с вами могли быть, если бы

лах о том, как КГБ "работал" с интеллигенцией, среди объектов наблюдения названы и вы. Вы как-то это опущали?

— К сожалению, я сам газету не видел, мне рассказали. Сначала я расстроился, ибо обидной показалась данная мне КГБ кличка Щелкопер. А потом даже порадовался — раз они так меня ненавидят, значит, я чего-то стою.

Что касается наблюдения, то знал, конечно, что прослушивается телефон. Дошло до того, что уже в сентябре, заметьте, после путча, пришлось обратиться по радио "Свобода" к руководителям КГБ с просьбой снять подслушивающее устройство. А то я как-то попросил сам отрезать лишние провода, так ко мне прибежали и говорят: "Вы почему у нас в подвале телефон отключили?". Была и история, очень для меня тяжелая и грустная.

Прошлой зимой я отдыхал в Риге, как раз во время трагических событий. Принимал участие в дежурствах на баррикадах, выступал. И писал дневник — все как было. 27 января пошел в церковь, чтобы поставить свечку в память погибших. Когда вернулся — рукопись оказалась уничтоженной. Не знал я тогда, что Дом творчества писателей был напичкан в те дни и работни-

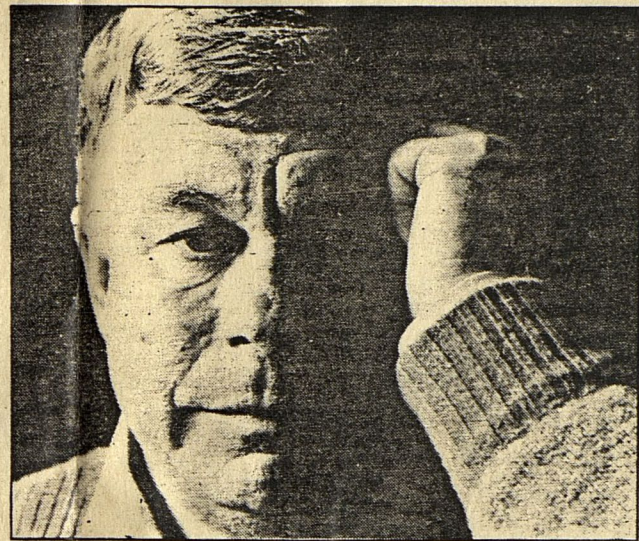
ли. В результате множество людей — русских, поляков, евреев — чувствуют себя "загнанными в угол".

— Как вы относитесь к идее обнародования списков тех, кто сотрудничал с КГБ?

— Первой была мысль: вот теперь-то всех своих писательских стукачей узнаем! А потом подумал: мы же восточная страна. У нас дикарские нравы, и если я узнаю, что моя приятельница стучит на меня, то я же могу возненавидеть ее детей, а еще слух об этом пушу, и этих детей начнут обижать в школе. Или: сидим мы, члены "Апреля", нас не так много, а если по статистике каждый

националистических идеях. И ничего удивительного нет в том, что сегодня большевики на этой почве объединяются с российской "Памятью" или с подобного рода движениями в других республиках.

Националистические настроения стихийны, они живут в любом народе, поэтому, пока у наших народов не сложатся правовые демократические традиции, они могут пойти за теми, кто пообещает им порядок (в нашем понимании "сильную руку"), лишней кусок колбасы, а главное, укажет им "внутренних врагов" — будь то представители какой-либо национальности, вдруг не так себя поведшие, или пра-

Общество наше расколото, кажется, непримиримыми противоречиями. Жизнь стала напоминать спектакль, где соседствуют все жанры — драма, трагедия, комедия, фарс... А писатель Анатолий ПРИСТАВКИН считает, что все мы стали действующими лицами действия, которое можно охарактеризовать как

БАЛ "СОВКОВ"

приходилось решать сложнейшие головоломки, которых, увы, нет у западного человека. Возьмите, к примеру, крупных инженеров — специалисты высочайшего класса. Так что истреблением "партийных вельм" я бы заниматься не стал, единственно — стоит запретить руководить тем, кто занимал какие-либо посты в КГБ.

И наконец, в-третьих, у партии масса денег. А кто платит тот и... Вот, скажите, вы не задумывались, откуда берется лавина националистической, порно и другого разного рода макулатуры, которая на нас обрушилась? И это в то время, когда дефицит бумаги, когда ее не хватает не то что на издание газет и журналов, а для работы, причем даже в правительственных учреждениях? Кто оплачивает всю эту "музыку"? Да те, кому выгодно продолжать дурить народ любым способом. Так что партия воспряла духом, вот только вопрос — найдет ли она лидера?

— А как вы смотрите на возможность альянса партийных, патриотических сил и ВПК во главе с Ручкиным?

— Конечно, он очаровал

тысячи тысяч жизней не ушли в перегон, не свелись к нулю. Я имею в виду не только уничтоженных, погибших, сившихся, облившихся, но и тех, чья судьба внешне выглядела вполне пристойно. А какого расцвета могла достичь русская культура! И что мы видим на исходе века? По-моему, скоро забудем, что такое "слово".

— Но ведь были великие вершины, и немало. И, наверное, еще многие имена мы узнаем со временем.

— Да, но именно зная то, что мы имеем, можно представить, сколько мы потеряли. Я беру простую статистику. Сколько талантов погибло среди уничтоженных людей? Ведь поколения росли на асфальте, хилые, как березки, пробивавшиеся сквозь церковные стены. Землицы-то между камнями было чуть-чуть: что-то схватили из Пастернака, что-то из Цветаевой, что-то из Твардовского и так далее. А если бы это был целый пласт земли, если бы мы прочитали Платонова в тридцатые годы, а не десятилетия спустя, разве не другими бы мы стали?

— В опубликованных в газете "Россия" материа-

лами КГБ, и стукачами. Им удалось подслушать мой телефонный разговор с одной иностранной журналисткой, которой я обещал дневник для печати. Особенно страшно для меня, что вместе с дневником погибло около 100 страниц написанных тогда же сказок для детей и взрослых. Второй раз в жизни после "Тучки" удалось создать что-то на одном дыхании, настоящее, поэтическое. Я чувствовал это по реакции тех, кому по вечерам эти сказки читал. И вот они погибли безвозвратно. Воссоздать их оказалось невозможно — совсем не то получалось.

А дневник, где я воспеваю свободу, которую вместе с латышскими завоевателями люди разных национальностей, я восстановил и даже дописал новую главу — о том, что увидел в Латвии сегодня, после революции. А увидел я немало тревожного, особенно в той политике, которая стала проводиться по отношению к латышскому населению. Одно введение ценза оседлости чего стоит. Правые экстремисты в своем националистическом угаре дошли до того, что тех, кто защищал их революцию, "захватчиками" называть ста-

третий... Но ведь мы создавали его, невзирая на все это, и можем гордиться, что кое-что хорошее удалось сделать. И хотя вроде бы наш "Апрель" "висит в воздухе", то есть не обременен накоплениями, но до сих пор не развалился.

— Что же служит ему поддержкой?

— Как выяснилось, весьма жизненной остается его антифашистская направленность, поскольку "коричневые" опять поднимают голову. И когда я слышу, что "Апрель" вознесся на "дела Осташвили", я отвечаю: "Нет, дело" возникло потому, что был "Апрель", мешавший Осташвили и тем, кто за его спиной".

— Вы считаете "коричневую" опасность серьезной?

— Вполне. Посмотрите вокруг — попыт, к сожалению, показывает, что во многих регионах берут верх националистические силы, унаследовавшие себе самое худшее от большевиков. Кстати, те тоже всегда были националистами, хотя тщательно скрывали это под разного рода благородными лозунгами. На самом же деле "соз нерушимый" держался только на имперско-на-

вительство Гайдара. Поэтому демократам так необходимо сейчас не останавливаться на пути реформ. Возвращаясь к вопросу об "Апреле", хочу добавить, что более актуальной стала вторая задача, ради которой он создавался, — помощь нуждающимся писателям и шире — всей интеллигенции. Ведь у писательских союзов пока другие интересы — они ведут межвидовую борьбу.

Я же считаю, что, поскольку мы, писатели, независимые, кажется, люди, мы наконец должны сами о себе позаботиться, а не ходить с протянутой рукой к руководителям писательской организации или к правительству. Где же это видано, чтобы глава западного государства кормил писателей, режиссеров, художников или занимался вопросами создания новых театров. Пора нам уже от таких захребетнических представлений освободиться.

Разумеется, правительство должно проводить политику по поддержанию культуры, но сегодня, как мы видим, оно это делать почти не в состоянии. И не потому, что как-то особенно глухо к этой сфере жизни. Вот, скажем, указ Ельцина о снятии налогов может помочь нам выжить. Однако массе не умеющих приспособиться интеллигентов грозит неизбежное обнищание. Особенно остро это коснется людей пожилых. Кто-то рассказывал, что уже видел в подземном переходе писателя, просаженного милостыней. С другой стороны, если ты человек молодой, почему не можешь, как большинство твоих коллег на Западе, зарабатывать деньги издавая свои сочинения? А если повесть и напишешь бестселлер, то можешь жить вполне прилично.

Еще раз повторяю, для решения наших жизненных проблем нужно объединяться всем представителям интеллигенции, но на других принципах, нежели сейчас. Чтобы привлечь внимание к этой проблеме, "Апрель" и решил выступить с документом, названным нами Хартией, где изложена наша антифашистская позиция, а также обрисованы бедственное положение дел в культуре и представления о путях его преодоления. Хочется надеяться, это станет каким-то первым объединительным шагом...

Беседу вел Александр НИКОЛАЕВ.